

Жантурина Б.Н.
Московский педагогический государственный университет
г. Москва
E-mail: uvaursi@inbox.ru

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства репрезентации реального автобиографического и перцептуального времени в текстовой категории художественного времени и художественного дискурса. На примере хронотопа в рассказе М. Спарк «Портобелло-Роуд» выявляется поле темпоральности с ядром, представленным грамматическими, лексическими и композиционными средствами, и периферией, сформированной семантической деривацией темпоральной, нетемпоральной лексики и когнитивных метафор времени.

Ключевые слова: текстовая категория времени, поле темпоральности, ядро, периферия, автобиографическое время, перцептуальное время.

Zhanturina B.N.
Moscow pedagogical state university
Moscow
E-mail: uvaursi@inbox.ru

TEMPORAL MEANS IN LITERARY DISCOURSE

Abstract. The article deals with linguistic representation of the factual and perceptual time within the textual category of time in literary discourse. With the space and time model in M. Spark's short story The Portobello Road, the temporal field is considered as the one with the nucleus with grammatical, lexical and compositional means and the periphery manifested by semantic derivation of temporal and nontemporal lexis, cognitive metaphors of time as well.

Key words: textual category of time, temporal field, nucleus, periphery, autobiographical time, perceptual time.

Художественное время является важнейшей текстообразующей категорией [1, с.86], лежит в области функционально-семантической категории темпоральности [2] и образуется сетью временных отношений, сотканной из функционально и семантически близких языковых элементов. Полю темпоральности приписаны ядро и периферия, которые по-разному реализованы в композиции текста и временных и пространственных точках зрения. Согласно мнению В.Шмида [3, с.69], временные сдвиги в тексте обусловлены восприятием, влияют на передачу событий, фиксируя изменения в

знании и оценке. Время изображает художественный образ и объединяет компоненты литературного произведения в композиционное целое [4, с.144].

Ядро художественного времени в рассказе М. Спарк «Портобелло-Роуд» предстает в корреляции событий двух временных планов – прошлого и настоящего – в последовательной смене автобиографического и перцептуального времени, организованных в единое целое с позиций антропоцентрического взгляда на время героини-рассказчицы и героини-участницы событий.

Автобиографическое время ретроспективно и включает в себя повествование о прошлом с точкой отсчёта в настоящем времени, совпадающей с моментом рассказывания, и вектором времени из настоящего в прошлое. В монологах героини основное повествовательное время в формах *the Past Indefinite Tense (recognized, were bound, could get, was thought to be finished, were set, etc.)* поддержано таксисными противопоставлениями в формах *the Past Perfect Tense (had already begun to sink and protrude)*. Автобиографическое время развивается линейно от момента смерти героини в её прошлое к началу событий и коррелирует с реальными событиями жизни героини.

Перцептуальное время проспективно и отсчитывается от смерти героини-рассказчицы, течёт в настоящем времени в момент рассказывания, стрела времени направлена в будущее. Речь идёт о «виртуальном» существовании призрака героини, которое имеет противоположный вектор - от момента смерти героини в будущее призрака. Время существования призрака героини-рассказчицы разворачивается в ином измерении, в последующей «жизни после смерти», в жизни призрака в реальном существовании и биографическом времени других персонажей. Момент телесной смерти отмечает переход перцептуального времени в автобиографическое время. Мистическое рассказывание о фактах собственной биографии в обличье призрака *I am inspired to do so now in these peculiar circumstances* [5, с.79] ведётся в формах *the Present Indefinite* и поддержано наречием времени *now*. Настоящий

перцептивно доступный план соотносится с жизнью призрака, выстраивая сложную модель линейного времени.

Реальность перцептуального времени обозначена формами изъявительного наклонения (*if it is a wet Saturday, I wander up...*) и глагольной семантикой, указывающей на перцептивный компонент слухового восприятия *hear слышать* с характерным для него режимом актуального восприятия в грамматическом времени *the Present Indefinite (I hear)*. Нереальность происходящего поддержана косвенными наклонениями, например, *the Past Conditional (would not have spoken)*, *the Present Subjunctive (it were at the Church)* or *Past Subjunctive (had I not been inspired to)*.

Границы хронотопа намечены в заголовке рассказа и введены в названии лондонской улицы Портобелло-Роуд. Указание на время события реализовано через упоминание о блошином рынке на этой улице, что обозначает временные рамки послевоенной эпохи. Виртуальная жизнь призрака героини и перцептуальное время также протекают на Портобелло-Роуд на грани реального и мистического, увязывая пространственные координаты и временные рамки реальных событий, а индивидуальные биографические координаты существования персонажей совмещены с мистическими контактами в мире призраков на той же улице. Готический рассказ о привидениях включает в себя повествование о реальной жизни персонажей, обитающих в Лондоне середины 20 века, и виртуальной «жизни после смерти».

Антропоцентрический взгляд на время реализован в Я-высказываниях призрака героини во внутренней точке зрения, одновременно представляя автобиографическое лицо и нарратора. При антропоцентрической концептуализации особый временной смысл и особую витальную ценность приобретает конечность существования, ограниченность жизни человека моментами смерти и рождения [6, с.41]. Странность повествовательного голоса в его ненадёжности: в тотальной осведомлённости обо всех событиях, о внутреннем мире героини и других персонажей проявляется не героиня-

участница событий, а её призрак. Этот сложный голос слышен отдельно: высказывания от первого лица в личных (*I, we*) и притяжательных местоимениях (*my young youth, my lovely companions*) отделены от высказываний с субъектом действия «он, она» и существуют параллельно, подчеркивая отстранённость призрака от автобиографического лица. Разные повествовательные голоса звучат в тексте и одновременно, голос призрака вмещивается в речь героини-рассказчицы в замечаниях, обобщающих «вневременной» социальный опыт определенного сообщества людей *in the way that mouths and noses do in people destined always to be old for their years* [5, с.74]; *A life like mine annoys most people,..., it vexes them to see someone else not bothering to do these things and yet getting away with it, not starving, being lucky as they call it* [5, с.77] с формами грамматического времени *the Present Indefinite* на фоне общего повествовательного прошедшего времени. А также в фрагментах текста с композиционными приёмами ожидания (*expectation*), в которых последующие события сюжета описаны на опережение; с одной стороны, они подготавливают внимание читателя к неожиданным поворотам сюжета, с другой стороны, они объединяют автобиографическое лицо и нарратора в один повествовательный голос: *As you will see, I wasn't in a position to speak to Kathleen* [5, с.75] с формами *the Future Indefinite* в плане настоящего перцептуального времени.

Смене пространственных ориентиров (*the Borderland, London, Africa, Kent*) в классической композиции рассказа сопутствуют временные сдвиги в автобиографическом времени, которое организовано композиционным приёмом рамки художественного времени у Дж.Б.Пристли *time trick* [7, с.4-5]; каждый эпизод, повествующий о реальных событиях жизни героини-участницы событий, соотнесён с моментом повествования в настоящем времени, со взглядом на прошлое из «сегодняшнего дня». Автобиографическое время развивается в рамке перцептуального времени с началом событий в зачине,

концом реальной жизни в последнем эпизоде рассказа и началом виртуальной жизни в финале.

Совмещение двух временных планов в рассказе раскрывается и на широком использовании лексических средств, в значении которых темпоральный компонент присутствует регулярно [8]. Из указаний на время в рассказе полностью исключены точные календарные даты; временные координаты автобиографического и перцептуального времени устанавливаются относительно друг друга (наречия времени *now, then*, природные событийные и календарные имена существительные *day, night, afternoon, morning, week, days of week, month, year, summer, winter, one day, that night, a few weeks before, Saturday, 5 years ago, that fine harvest year, etc*). Внешние по отношению к рассказу события могут содержать косвенные указания на время; отсылка к копиям царя Соломона и стране Офир вводит информацию о времени британских археологических раскопок на местах древних цивилизаций в автобиографическом времени. Георгианская эпоха в истории Англии связывается с периодом английского классицизма *Georgian spoons, rings, earrings, a large Georgian vicarage* и оказывается значимой в обоих планах повествования. Хронологический ход устанавливается по последовательности событий: *after all, before we left, afterwards, I had last seen her, until at last he said, my last visit, the last year of my life, etc*.

Периферия художественного времени в рассказе формируется и семантической деривацией темпоральных и нетемпоральных имён существительных. Изменение исходного значения временного имени существительного от блока абстрактного значения, имеющего обобщённую референцию (*generic reference*), традиционно описывается как конкретизация при соотнесении с отдельным объектом, лицом или событием (*specific reference*) [9]. Семантическая деривация здесь построена на метонимическом варьировании по линии «целое - часть» при исходном значении *time as a non-spatial continuum in which events occur in apparently irreversible succession from*

the past through the present to the future и его производных значениях *an interval separating two points on this continuum, measured essentially by selecting a regularly recurring event* [10, с.1154] *время, срок, эпоха, период, раз, жизнь, век, возраст, рабочее время* [11, с.814]. Время определяется линейно по аналогии с областью пространства; точке в пространстве соответствует момент времени, пространственному отрезку – период времени, перемещению в пространстве от одного ориентира к другому – длительность временного интервала. Антропоцентрический взгляд наблюдателя членит непрерывный континуум на отдельные отрезки.

Имя существительное *life жизнь* имеет обобщённое значение состояния, развивая конкретное временное значение *the interval of time between birth and death / lifetime* [10, с.633] по модели метонимического варьирования целого и части. В конкретной референции относительно жизни человека в хронотопе рассказа существование призрака, бестелесной сущности становится доступным измерению в автобиографическом и перцептуальном времени. Для автобиографического времени в рассказе важны социальные события; война *war*, аналогично существительным *time, life*, употребляется в рассказе в обоих смыслах: *1. a state of open, armed, often prolonged conflict carried on between nations, states, or parties. 2. the period of such conflict* [10, с.1244]. Сходным образом протекает метонимизация в существительном *murder (the Haystack murder, the Haystack tragedy)*.

Временные смыслы акцентированы в рассказе также в нетемпоральных именах существительных, для которых указание на время является лишь потенциально возможной опцией. Лексемы *ghost, phantom* отмечены З.Я.Тураевой [1, с.95] как слова-сигналы, своего рода ключевые слова, которые относят высказывание к реальному и нереальному планам обозначения в рассказе. Семантическая деривация в них сходна: значения лексем *ghost привидение* и *phantom фантом, призрак, иллюзия* в равной мере связаны с иллюзорными сущностями; *ghost привидение* подразумевает существование

реального человека, а *phantom* фантомная сущность обычно является продуктом воображения. Кроме этого, лексема *ghost* также косвенно связана с *ghostwriter one who does another person's literary work писатель-невидимка, тайно выполняющий литературную работу для другого лица* [12, с.117] и определяет характер литературных работ, которые героиня-участница событий выполняла в реальной жизни и реальном автобиографическом времени. На фоне темпоральной лексики рассказа нетемпоральные лексемы *ghost, phantom* включены в композицию и непосредственно поддерживают планы настоящего и прошлого, реального и виртуального, оживляя свой семантический потенциал.

Антропоцентрическая модель концептуализации времени посредством когнитивной метафоры времени в рассказе проявляется на пересечении концептуальных полей (пространство – время, человек - время), компенсируя абстрактность времени за счёт более конкретных понятий, в первую очередь, за счёт местоположения в пространстве и пространственной ориентации. В поле пространства оказывается возможным перенос признаков конкретного пространственного образа на временной континуум через образы местоположения и движения.

Динамическая модель линейного движения времени представлена в глагольной метафоре *departed life: I must explain that I departed this life nearly five years ago. But I did not altogether depart this world* [5, с.77].

В исходном значении глагола *to depart – to go away, leave* антропоцентрическим ориентиром является перемещение объекта в пространстве от начальной точки к конечной точке по маршруту или траектории передвижения. Производное от него значение *to die* следует ходу метафоризации по аналогии с пространственным перемещением: перемещение из мира живых в мир мертвых [10: 303]. Перемещение в реальном пространстве, обитаемом живыми людьми в автобиографическом времени, осталось прежним (Портобелло-Роуд), но его габитус расширен и стал

виртуальным пространством существования призрачной героини в перцептуальном времени. Временное значение по типу пространственной метафоры возникает при сочетании с темпоральным словом *life* и передает смысл перемещения от мира живых в мир призраков.

Космоцентрический взгляд на время в статичной пространственной метафоре времени определён метафорической деривацией прилагательного *high* *высокий* [13, с.61]: *One day in my young youth at high summer, lolling with my lovely companions upon a haystack, I found a needle* [5, с.73].

По мнению О.Г. Чупрыны [14, с.10], счёт времени в цикле в англо-саксонской модели зависит от наблюдаемого природного цикла ночи и дня, от движения солнца, планет, от смены дня, ночи, времён года, переживаемого человеком как смена поколений. Метафора времени в *high summer, пик, середина лета* изначально предполагает, что образы времени мыслятся на перцептивной зрительно доступной основе в связи с объектом, находящимся в трёхмерном пространстве. Сходным образом, аналогичные сочетания проявляются в следующих метафорах времени: *high season* *сезон высокого спроса*, *high day* *полдень* [10, с.522, 11, с.369], где пространственная локализация верхней точки определяет временной интервал. Подобные метафоры характерны для модели архаического времени, модели рудиментарно сохранившейся в языке на фоне господствующей модели антропоцентрической концептуализации времени.

Таким образом, хронотоп в анализируемом рассказе сформирован корреляцией событий по линейной модели концептуализации времени при взаимодействии автобиографического и перцептуального времени героини-участницы событий и героини-рассказчицы. В ядро поля темпоральности входят средства глагольного дейксиса и темпоральная лексика, на периферии поля находятся средства семантической деривации исходных значений темпоральной и нетемпоральной лексики по типу метонимии. Когнитивные метафоры времени в рассказе построены в области двух концептуальных полей

«пространство и время», реализуя статический и динамический аспекты местоположения и движения в пространстве при антропоцентрическом и космоцентрическом взгляде на время.

Библиография

1. Тураева З.Я. Текст: Структура и семантика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144с.
2. Бондарко А.В. Теория Функциональной грамматики: темпоральность. Модальность. – М.: Наука, 1990. – 264 с.
3. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312с.
4. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: Хрестоматия-практикум. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 400с.
5. Spark M. Stories. – М.: ОАО «Радуга», 2001. – 192с.
6. Никуличева Д.Б. Перцепция времени и её корреляция с темпоральными категориями языка.// Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания; Гл. ред. Скворцов Л.В. – М., 2015. – Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании / Ред.-сост. Нагорная А.В. – С.27-50.
7. Пристли Дж.Б. Опасный поворот: Пьесы /Сост., предисл., коммент. М.В. Лагуновой. – М.: Высшая школа, 1989. – 1989. – 205 с.
8. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 122-130.
9. Жантурина Б.Н. Пространственный компонент в метафорах времени// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Вып. 5. – М.: ВГПУ, издательство «Перемена», 2009. – С.24-27.
10. Webster's II New College Dictionary. Houghton Mifflin Company, 1995. –1514 p.
11. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М.: Русский язык. – Медиа, 2005. – XIV, 945 с.
12. Scott A.F. Current Literary Terms. The Concise Dictionary. Macmillan Press Ltd. London, 1980. – 324p.
13. Жантурина Б.Н. Метафоры на основе перцептивного компонента. – М.: Прессмедиа, 2012. – 173с.
14. Чупрына О.Г. Представление о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка). – М.: «Прометей», 2000. – 150 с.

References

1. Turaeva Z.YA. Tekst: Struktura i semantika. – M.:Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 144 s.
2. Bondarko A.V. Teoriya Funkcional'noj grammatiki: temporal'nost'. Modal'nost'. – M.: Nauka, 1990. – 264 s.
3. Shmid V. Narratologiya. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.
4. Tamarchenko N.D. Teoreticheskaya poehtika: Hrestomatiya-praktikum. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. – 400 s.
5. Spark M. Stories. – M.: ОАО «Raduga», 2001. – 192 s.
6. Nikulicheva D.B. Percepciya vremeni i eyo korrelyaciya s temporal'nymi kategoriyami yazyka.// CHElovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty: Ezhegodnik / RAN. INION.

Centr gumanitarnyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel yazykoznanija; Gl. red. Skvorcov L.V. – M., 2015. – CHelovek oshchushchayushchij: Percepciya v sovremennom gumanitarnom znanii / Red.-sost. Nagornaya A.V. – S.27-50.

7. Pristli Dzh.B. Opasnyj povorot: P'esy /Sost., predisl., komment. M.V. Lagunovoj. – M.: Vysshaya shkola, 1989. – 1989. – 205 s.

8. Gak V.G. Prostranstvo vremeni // Logicheskij analiz yazyka. YAzyk i vremya / Otv. red. N.D. Arutyunova, T.E. YAnko. – M.: Indrik, 1997. – S. 122-130.

9. ZHanturina B.N. Prostranstvennyj komponent v metaforah vremeni// Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Vyp. 5. – M.: VGPU, izdatel'stvo «Peremena», 2009. – S.24-27.

10. Webster's II New College Dictionary. Houghton Mifflin Company, 1995. –1514 p.

11. Myuller V.K. Novyj anglo-russkij slovar'. – M.: Russki.yazyk. – Media, 2005. – XIV, 945 s.

12. Scott A.F. Current Literary Terms. The Concise Dictionary. Macmillan Press Ltd. London, 1980. – 324 p.

13. ZHanturina B.N. Metafory na osnove perceptivnogo komponenta. – M.: Pressmedia, 2012. – 173 s.

14. Chupryna O.G. Predstavlenie o vremeni v drevnem yazyke i soznanii (na materiale drevneanglijskogo yazyka). – M.: «Prometej», 2000. – 150 s.